

Истории о жизни и любви

Судья:

*— Почему вы ударили вашего мужа
по голове стулом?*

Жена:

— Стол слишком тяжелый!

Глава 1,
*в которой обнаруживаются
диаметрально противоположные
мнения*

Мой муж Григорий считает, что у каждого человека должна быть активная жизненная позиция. Мол, недопустимо просто плыть и ни о чем не думать, ни к чему не стремиться. Нужно четко выражать свое отношение к миру и к людям вокруг. Не знаю, как у других, а у меня с некоторых пор действительно появилась активная жизненная позиция. Не могу пока выразить ее словами, но ощущаю ее наличие, стоит мне увидеть лицо очередного хмурого клиента сквозь толстое стекло операционной кассы. Он смотрит на меня в таком нетерпении, словно начал опаздывать куда-то еще до того, как вошел в здание банка.

Моя активная жизненная позиция проявляется также в нежелании пропускать бугая на дорогом джипе вперед моего «Рено» на светофоре. Я каждый раз испытываю потребность высказаться, когда человек на кассе начинает диктовать продавцу номера пяти разных телефонов, на каждый из которых хочет положить сто рублей. А потом выясняется, что он перепутал цифры в трех из них.

И почему я должна простоять лишних полчаса, пока усталая кассирша все исправит? И это после рабочего дня?!

Моя активная жизненная позиция, заветная цель в жизни, к которой я устремленно двигаюсь, и одновременно голубая мечта — это лежать на диване, не шевелясь, смотреть какой-нибудь незатейливый сериальчик, есть яблоко и ЧТОБЫ НИКТО МЕНЯ НЕ ТРОГАЛ.

Подозреваю, что продавец в магазине мою мечту полностью разделяет. Но у нас обоих нет выбора. Такая роскошь простым смертным недоступна. На нас лежит ответственность. Не знаю, как именно жизнь привела кассиршу к ее креслу, но моя персональная ответственность упакована в фоторамку размером пятнадцать на двадцать сантиметров и стоит на сером столике прямо рядом со счетной машинкой, с помощью которой я считаю и выдаю чужие деньги.

Моя семья в светло-коричневой фоторамке с резными краями. Вечно серьезный Гришка в штанах цвета хаки с миллионом карманов «для нужных вещей», сонная десятилетняя Варя, наша умница-дочка с милым рюкзачком. И я — вечно с дурацкой улыбкой на губах и с красным шарфиком, намотанным на покусанные комарами плечи. Мы позируем на фоне восходящего солнца Карелии, а на заднем плане живописный водопад Ниванйоки. Поход дикарями — что может быть лучше?

Об этом можно поспорить. К примеру, моя добрая подруга Людмила, сидящая на работе по правую руку от меня, считает, что есть много всего лучше дикой природы и еще более диких комаров. Она пересчитывает деньги и умело упаковывает их в бумажные

пакеты, ее руки заняты, но голова свободна. Люда работает в операционной кассе банка очень долго, и свои движения довела до автоматизма. Я работаю здесь чуть больше двух лет, а попала сюда благодаря протекции подруги, с которой мы знакомы сто лет.

— Милая моя, ты должна послать своего Гришку подальше вместе с его активным отдыхом, — советует Людмила, игнорируя тоскливый взгляд своего следующего клиента в очереди. Пересчет денежных масс — это одна из операций, на которую никто не может покуситься. Всемогущий учет, во имя дебета и кредита. Так что стой, милый, стой. И жди, когда Людка нажмет кнопку, и на электронном табло загорится номер следующего по очереди.

— Послать Гришку подальше — это нечто из ряда фантастики, — отвечаю я, прошлепывая банковские штампы на платежных документах. Вот и еще один человек взял кредит — ипотека, если судить по документам. Источник повышенного стресса и потенциальная причина для нервных расстройств.

И для ругани с мужем.

У нас с Гришкой тоже — ипотека. Предполагалось, что большая часть нашей квартиры оплатится за счет так называемого военного сертификата, который ему дали при увольнении в запас из военно-воздушных сил. Но сертификат оказался тоже довольно военно-воздушным и не покрыл даже половины. Квартира в Химках оказалась дорогой.

— Дважды в год ты едешь в отпуск в места, где отдых заканчивается вывихнутыми ногами, диареей и мозолями на ладонях от топора, которым необхо-

димо рубить дрова, чтобы приготовить ужин посреди дикого Лесса! — развивала мысль Людмила. — Скажи, что в этом хорошего? Чистишь кастрюли песком и полощешь их в каком-нибудь чистейшем озере. В чем фишка, Ириш? Все равно ты делаешь то же самое, что и всегда. Готовишь три раза в день, моешь посуду, стелешь спальники в палатках. Все как и дома, только без горячей воды и туалетной бумаги.

— Там бывает красиво, — вздохнула я, глядя на пресловутый водопад Ниванйоки. Подруга пожала плечами.

— Знаешь, что еще красиво? Маникюр! А ты со своего отдыха приезжаешь с такими ногтями, словно копала ими сырую землю.

— И такое случалось, — рассмеялась я, вспомнив, как в одном из походов у меня с руки слетело обручальное кольцо — и бухнулось в воду у берега. Мне пришлось битый час перепихивать грязный ил, чтобы его отыскать. Ногти были уничтожены, но и остановиться я не могла. Ведь это обручальное кольцо! — Но ведь я люблю Гришку. Как ни крути, со всеми своими «пирогами» он стоит того, чтобы его любить.

— Люби себе на здоровье! Но при чем тут отпуск? — резонно возразила Людмила. — Если бы мы действительно захотели, могли бы спланировать роскошный отпуск для нас любимых, и твои чувства к мужу никаким образом не пострадали бы от этого.

— Он никуда не поедет... — начала было я, но Люд-ка меня оборвала:

— А кто говорит, что он нам там нужен? Нет уж, после всех этих лет и всей этой его депрессии после

увольнения ты имеешь право отдохнуть и от него тоже. Разве нет?

— Не знаю, — задумалась я — честно, не представляю себе отпуск вдали от громкого командного голоса супруга. Это было бы... странно? Странно хорошо?

— Чего ты не знаешь? Турция, отель на берегу, шезлонг, на котором можно лежать и вообще не подниматься. Разве что за коктейлем. Массаж... — в голосе подруги появились хищные нотки. — Мы могли бы поехать вместе. Ты, я и Варюшка.

— Звучит как сказка, — ответила я, больше имея в виду нереальность вышесказанного, но Людмила поняла мои слова иначе.

— Сказку надо делать былью, иначе никогда не выберешься ты из своих «турне по тайге». Знаешь что! Сейчас февраль, самое время задумываться о таких вещах, если мы хотим взять нормальный тур за хорошие деньги.

— У Вари в этом году ГИА¹, — пролепетала я. Людмила просунула паспорт и квитанции своего клиента в лоток окна и повернула ко мне удивленное лицо.

— Серьезно? — вытаращилась она. — Это сколько ж ей лет?

— Пятнадцать, — улыбнулась я. — Летом будет шестнадцать.

— Вот ведь, а? Растут дети! Казалось бы, еще вчера была вот такая кроха, — Людмила жестом показала нечто размером примерно с арбуз. Варька даже когда только родилась, и то была больше.

¹ Государственная итоговая аттестация, проводится в 9-х классах (прим. авт.).

— А теперь она уже выше меня, — погордилась я. — Варвара-краса.

— Выше тебя? — удивилась подруга. — Куда уж выше?

— А что? У меня 178, а у нее уже 183 сантиметра. Слушай, Люд, ты бы приезжала к нам в гости, — вдруг предложила я. — А то ты у нас с самого переезда не была.

— Потому что, знаешь, у меня такое ощущение, что любой, попадающий в ваш дом, моментально становится рядовым в летном отряде твоего благоверного. Так и тянет бежать исполнять его распоряжения. Нет, жить с военным — это не по мне. Он всегда так командует или только при переезде, когда нужно заставить ни в чем не повинных женщин таскать коробки?

Вопрос был риторическим. Григорий Сафьянов, мой муж, действительно умел, любил и был создан, чтобы командовать. Но теперь ему сорок четыре года, из-за зрения он был уволен в запас и больше не командир летного отряда, так что командовать ему приходится преимущественно мною и Варей. Ну, еще немного консьержкой в нашей новостройке и соседями, которых он умело принуждает к сбору средств на нужды дома и к различным общественно полезным работам. Люди его уважают, но при этом прячутся за угол, когда он появляется на горизонте.

Без шуток, возьмем, к примеру, нашего соседа снизу, Лешу. Мой муж как-то раз договорился с ним высадить кусты и деревья около подъезда, чтобы было красиво. Леша не был готов платить деньги за кусты, цветы и деревья, как и все остальные жильцы нашего подъезда.

Он отказался, заявив, что беден и безработен. Тогда Гриша предложил Леше «решить вопрос по-боевому» и взять на себя нагрузку по посадке растений. Леша хоть и нехотя, но согласился — жаба победила, и экономия показалась привлекательной. В самом деле, разве проблема всунуть в землю палки и кусты?

Наивный Леша.

В согласованную субботу в семь утра мой муж «решительно приветствовал» Алексея на пороге его квартиры. Леша стоял в трусах и майке, а Гриша — с лопатами в одной руке и чертежами с «планом посадки» в другой. К своему сожалению, я тоже там была. Мне доверили нести большой извивающийся шланг, а Варваре — ведра.

Леша тысячу раз пожалел, что не отдал жалкую тысячу рублей, как и все в подъезде. Спал бы спокойно все выходные и мне бы дал исполнить свою мечту (см. пункт «моя активная жизненная позиция»). Но нет. Поутру Григорий выстроил нас всех, велел расчитаться по порядку, а затем отрапортовать, кому какое задание поручено. Объемы, сроки, качество.

Вопросы? Нет вопросов? Тогда приступить к исполнению. По окончании доложить по форме.

В результате мы **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** потратили субботу и воскресенье, создавая ландшафтный дизайн около подъезда. Мой муж с упоением использовал «мотивировочный диалог», подбадривая соседа, призывая его «быть мужиком» и рассказывая о том, как личная инициатива в разумных рамках создала человечество таким, каким мы его знаем. И что если мы не будем уделять внимание деталям в таких вещах, как измере-

ние лазерными измерительными приборами длины, глубины и ширины посадочного места для березы, то что же станется с нашей жизнью? Порядок исчезнет, хаос займет его место, и все полетит в тартарары.

Сосед Леша, возглавляемый моим супругом, показал чудеса трудовой дисциплины, удивив, наверное, даже самого себя результатом своих трудов. Но с тех пор он прячется за любым углом, забором, стеной, человеком или просто пытается провалиться сквозь землю, если Гриша появляется на горизонте. И, конечно, своевременно и в полном объеме сдает все деньги, которые собирают на блага нашего подъезда.

Ведь это НАШ ПОДЪЕЗД! А если мы не будем тратить время и внимание на детали, важные для комфортного счастливого проживания во вверенном нам подъезде, то во что превратится наша жизнь! В хаос!

Да, мой муж любит командовать.

И да, наш подъезд — самый изумительно чистый и красивый, а весной еще и самый зеленый, с прекрасной клумбой.

— Гриша будет рад, если ты приедешь, — заверила я Людмилу. Она с недоверием посмотрела на меня, а затем кивнула.

— Хорошо. Я привезу торт. А ты обсудишь с ним наш отпуск? Честно, это было бы просто шикарно. Мы можем взять путевку на июль, тогда уже любые ГИА кончатся.

— Я поговорю с ним, — пообещала я, не имея ни малейшего представления, как это исполнить на практике. Когда муж еще работал, я порой составляла

для него формальные рапорты, если мне нужно было что-то, — не всерьез, конечно, а в шутку. Но Гриша на рапорты отвечал быстрее и по существу. Может, и теперь стоит подать рапорт?

Но ведь он убьет меня, если я только признаюсь, как ненавижу наши семейные походы. Как Людка их называет, «турне по тайге». Хочу шезлонг!

И я никак не могла вытравить эту мысль из головы. Ведь я никогда не была в нормальном отпуске. Последние два года мы не ездили даже в тайгу. После увольнения Гриши наша жизнь стала такой неопределенной, все стало зыбким и непредсказуемым. Ты можешь или любить жизнь жены военнослужащего, или ненавидеть, но стабильность и определенность завтрашнего дня — это несомненный бонус, который ты теряешь, покидая летный отряд. С этого момента жизнь меняется, теряет форму. И ни жилищный сертификат, ни пенсия по выслуге лет не доставят особой радости.

Первые месяцы Гриша сидел на кухонном стуле и смотрел на меня, словно ожидал, что я скажу ему, как жить дальше. На него было больно взглянуть. Затем Людмила предложила мне место в банке, а Гришке старый друг — работу. Конечно, не такую престижную и не в небе, но деньги хорошие. Потом мы взяли ипотеку, осели в Химках, так как не могли позволить себе квартиру на Речном вокзале, где я работаю, купили машину, влезли в долги, но зато появился смысл жизни.

По крайней мере, проблемы, с которыми можно эффективно бороться.

Каждый будний день, если Гриша работает в первую смену, я встречаю его около метро. Ровно в семь тридцать вечера, ни минутой позже. Опоздания в нашей семье не допускаются, как, впрочем, и многое другое. Если мы не будем уделять внимание деталям... Бла-бла-бла! Я давно приучила себя прибывать на место встречи заранее, это было куда проще, чем выслушивать потом очередную лекцию от моего командира. Сегодня я стояла на парковке и задумчиво скользила взглядом по проезжающим мимо меня машинам, но мысли были далеко — там, где в коктейли вставляют бумажные зонтики для красоты, где не нужно готовить и где нужны платья, а не шорты и «неубиваемая» туристическая обувь.

— Иришка, привет! — услышала я голос мужа, продирающегося ко мне сквозь утыканную машинами многоуровневую парковку около Речного вокзала. Как всегда, серьезен, словно улыбка — это проявление недопустимой слабости. Но я-то знаю, как он улыбается. У него очаровательная ямочка на щеке, но видно ее, только когда он улыбается. А еще, когда Гриша улыбается и склоняет голову немного набок, у него появляется такое хитрющее выражение лица. И он очень похож на Тимоти Далтона¹ в этот момент. Но исключительно когда улыбается.

— Гриша, что-то ты сегодня запоздал, — бросаю я как бы мимоходом. На часах семь сорок, как знаменитые слова в еврейской песенке. Десять минут,

кто-то говорит, что такое опоздание даже считается приличным. Но не мой муж.

— Задержали на работе, — бросает он, и его серые глаза полны возмущения. Как только я могла подумать, что он задержался по собственной воле. Муж отряхивает пыль со своих идеально отглаженных брюк и садится в машину. Деловой костюм а-ля «люди в черном» смотрится на нем великолепно. Достаточно свободно, но при этом не болтается. У Григория красивая мужская стать. Высокий, держится прямо, как будто в него палку вставили — в армии это называется «военная выправка». Он бегаёт по парку перед работой и останавливается около турника, чтобы подтянуться десять раз — это обязательно. По выходным — активный отдых. Зимой — лыжи, летом — плавание, бадминтон, велосипед. Черный костюм, голубая рубашка, синий в серебристую полоску галстук. Мой мужчина в отличной физической форме, никто не дал бы ему сорока четырех. Многие приняли бы его за бизнесмена, возвращающегося с деловой встречи.

Но они бы ошиблись. Григорий водит экскурсионный автобус. Он мог бы делать это и в более свободной одежде. Никому нет дела, во что одет водитель экскурсионного автобуса. Людям интересно, только чтобы он безопасно и комфортно вез их сквозь московские пробки, останавливался около достопримечательностей, не трогался с места резко. В этом Григорий — профессионал. После того как ты управлял летным отрядом из нескольких сложнейших летательных аппаратов, уж с экскурсионным автобусом-то справишься. Он предпочитает делать

это в идеально отглаженном костюме и чистой рубашке каждый божий день. Муж говорит — нужно держать марку.

Угадайте, кто держит уют?

— Ну, как прошел твой день? Какие экскурсии были сегодня?

— Сегодня опять «Огни большого города». Проезд около башни Федерации перекрыли, пришлось чуть ли не полквартала сдавать назад, — поделился муж, пристегивая ремень безопасности.

— Представляю, как это «легко» на твоей громаде, — рассмеялась я. Гриша покачал головой.

— Все бы ничего, но некоторые люди считают, что правила написаны не для них. Один такой умелец только чудом не влетел мне под просвет. Думает, если у него «Лексус», то может пройти сквозь автобус, — проворчал Гриша и достал из бардачка специальную тряпочку, чтобы протереть стекла своих стильных очков. Они ему шли, делали его лицо каким-то еще более серьезным и умным. Прямо профессор. Именно из-за этих самых очков ему и пришлось уйти из авиации. Небо предъявляет самые высокие требования.

— А Людмила приедет к нам в гости, — радостно сообщила я. — Может быть, даже в эти выходные.

— Включи поворотник, — коротко бросил мне муж, когда я тронулась с места, выруливая с парковки. Я покорно включила сигнал.

— Так что ты думаешь? Мы же сто лет не собирались. Может быть, пригласим Васильевых?